

Ткнешь пальцем в дорожную карту,
И юность в душе запоет.
Усядешься в гулком плацкартном,
Где ближе и гуще народ.

Вокзал покачнется немножко,
Поедет в дымок голубой,
И только луна за окошком
Останется рядом с тобой.

Чайку принесет проводница,
Соседи в движенье придут,
И яства российских провинций
Тотчас на столы подадут.

Закусишь нарезкой солений,
Свои не спрячешь харчи.
Галактики дальних селений
Прокатят и канут в ночи.

В колесах ритмично и сухо
Стальной прозвенит соловей.
И потный мужик с боковухи
Нальет тебе мутной своей.

Вот он-то тебе и расскажет,
Улыбку свернув набекрень,
Двадцатого века пропажи,
И холод пустых деревень.

Забудешь угарность столицы,
Зальешь разговоры вином.
И все будет длиться и длиться
Таинственный лес за окном.

Узнаешь от женщины в шали,
Что сын ее сел за ларек.
В глазах ее — слезные дали
Расквашенных наших дорог.

Плацкартный вагон не заманит
Чиновника и торгаша,
А значит, никто не обманет
И может раскрыться душа.

Девчушка гадает на картах.
Монашка глядит на Христа.
...Когда-то не будет плацкартных,
Но жаль, что не будет родства.

Печаль никому ты не выдашь.
И завтрашним утром уже,
На станции Дивово выйдешь.
И вправду ведь — дивно душе!

И Ханты-Мансийская вахта,
Рыбацкий баркас голубой,
Столовка Чулымского тракта —
Останутся рядом с тобой.

На все ты посмотришь влюбленно.
С тобою родная страна.
Солдатик с невестой — под кленом,
И древний старик — у окна.

РАДУНИЦА

Опять укрылись дали половодьем.
Всплывает месяц в небе и воде.
Зарю окликнет цапля на болоте,
Заблудится комарик в бороде.

И вдруг неожиданно от костра, от дыма,
За вешним светом из глубин сердец,
Для каждого, кем родина любима,
Проявятся и мама, и отец.

Уплыли в дали бабушкины пышки,
И медогонка дедова, и пес.
И не найти уже того мальчишку
С кипящей шапкой пенистых волос.

Березы вбиты в землю, словно сваи.
Пощелкивая, тает костерок.
И я стою, и слезы утираю.
Дымок — в глаза. Наверное, дымок.

РЮКЗАК

Лет двадцать еще поцарапать планету
Примятым литым каблуком,
А там уж отправиться к горнему свету
С потертым своим рюкзаком.

В нем сложены зори, и песни, и радость,
Любовь и потери мои,
И все, что по яростной жизни досталось:
Бураны, луга, соловьи.

Но в нем и грехи. Тяжела моя ноша...
С того ли, что в детстве грачонка я спас,
Мне светит в пути родниковая роща
И бабушкин иконостас.

И мама печет «жаворонков» весенних.
Отец — ордена на пиджак.
Скребется мышонок под ворохом сена,
Скрипит под сосною лешак.

Брусничные угли — у края болота.
Заря — костерком по реке.
И все, что копил я от года до года —
В потертом моем рюкзаке.

Сгорает в руке у отца папираса,
Как думы о счастье земном.
Хлопочут скворцы и трепещут стрекозы,
И сливы запахли вином.

И молится поле мое Куликово,
И молится Бородино
О всех, кто сберег наше русское слово,
О каждом, ушедшем давно.

Гуляй! Под звездой ничто не возвратно!
Я тоже однажды уйду.
Ложатся заката родимые пятна
На вешние вишни в саду.

Былинка дрожит на ветру — затухает.
Лодчонка скользит по реке.
А прошлое кается, любит и тает
В потертом моем рюкзаке.

ИЗ ДЕТСТВА

И — луч в окно. И щебет. Утро. Свежесть.
И облаков причудливый узор.
И листьев кружева...
От медогонки
Тягучий, теплый солнца аромат.

А вдалеке хохочут лягушата,
И стайки головастика толкуются
У берега кривой, как век канавы,
Что вырыли в минувшую войну,
Чтоб вражеские танки здесь увязли.

И не прошли!

Дерутся воробьи
В тенистом, влажном, диком винограде.
Течет, течет по комнате нектар
От свежих яблок, слив и нежных вишен.

Вот половица скрипнула —
Прошла почти неслышно бабушка на кухню.
В переднике беленом наша печь
Слегка грустит о пирогах и каше.
Теперь же в мягких валенках на ней
Томятся, созревая, помидоры.

Меня тут любят, да и я — люблю!

Как мир широк!
Родился я, и он
Мне подарил всего себя — до капли,
До зернышка росы,
До вспышек гроз,
До жгучего удушья метели,
До ласки радуг заревых лугов,
До маминой, раскрытой небу песни,
И до восторга деда и отца
От кипени кругом бурлящей жизни
В горячих муравейниках, садах,
И, словно кровь, гудящем вольном поле.

Иду в малинник. Колко, сладко мне.
Тут воскотопка.
Плаваются под солнцем
Пустые соты отзвеневших дней.

И тает воск, и капает в корытце,
И тает воск, и капает в корытце,
И тает воск, и капает в корытце.

И пахнет, словно в церкви...

НА БЕЛОМ МОРЕ

Было все: и боль, и горе,
Счастье, песня и любовь.
Я теперь на Белом море
Остужаю в жилах кровь.

Мне понятен стон гагары,
Песня скриплого весла,
Отдаленный звон гитары
В серой роздыми села.

Растревожены гостями,
Завели собаки лай.
Сохнет роба под сетями,
Сгрызан ветрами сарай.

Но гитара, но гитара...
Хоть не стройно, но поет.
Колька Топоров задаром
Чешет бабке огород.

Стынут сломанные кости
Лодок, сваленных на бок.
Вбиты камни, словно гвозди,
На распятых дорог.

Снится ветру берег дальний,
Соснам — зори на крови.
Мир счастливый, мир печальный —
Песня боли и любви.

Эти дали нерушимы.
Но и здесь ползет прогресс.
И скуластые машины
По дороге тащат лес.

Ветер — солью. Близко небо.
Валуны да валуны.
Ловят волны в серый невод
Отражение луны.

Море пляшет, берег светит,
Катер бьется, ветер жжет!
Хорошо на белом свете!
Вечер звезды стережет.

Камни — в мшарнике осклизлом.
Куртка мокрая тесна.
Понял я, что слаще жизни
Я еще не видел сна.